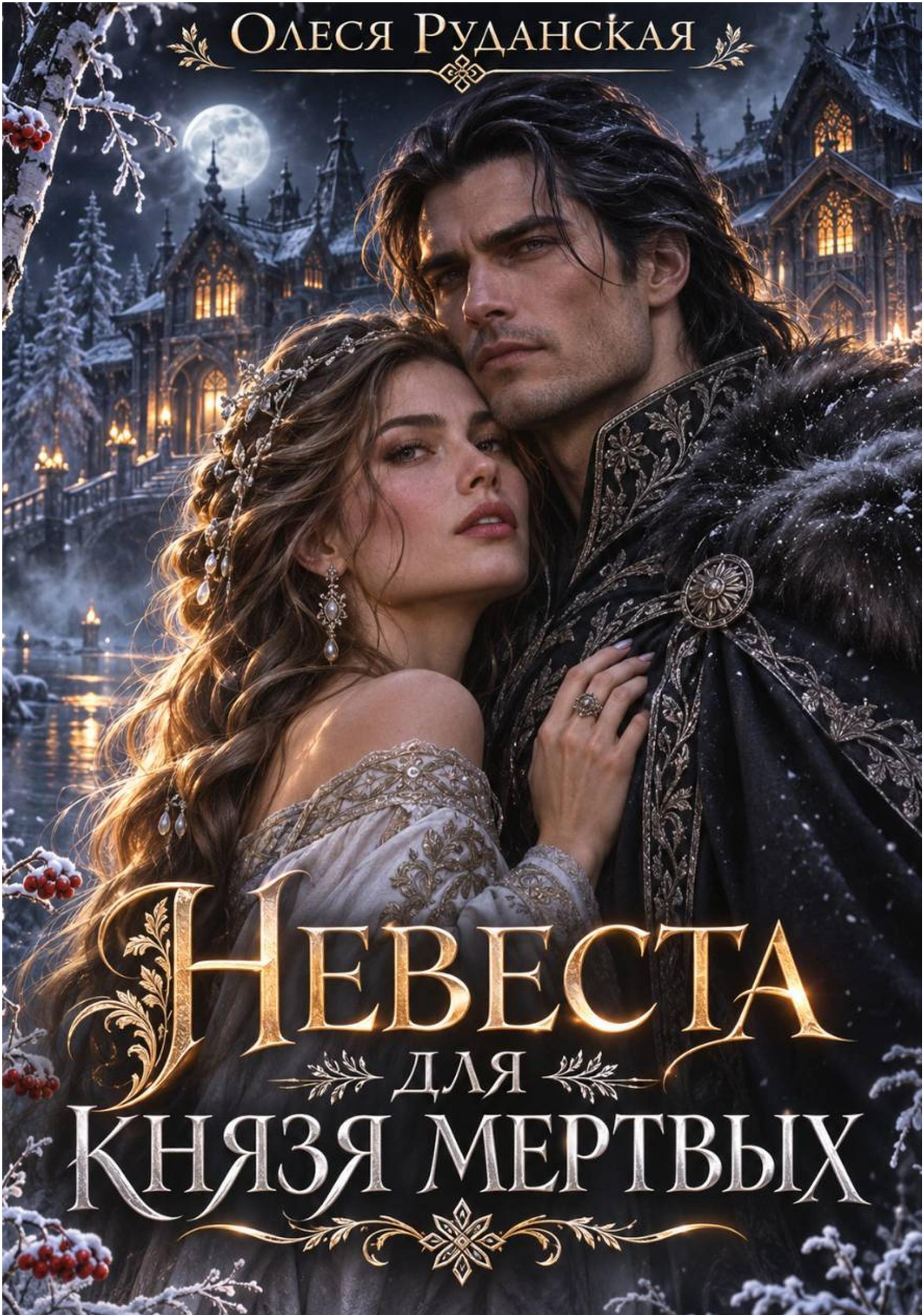
Олеся Руданская
Невеста
для
Князя мертвых

Олеся Руданская

Невеста для князя мертвых

«Автор»
2026

Руданская О.

Невеста для князя мертвых / О. Руданская — «Автор», 2026

В самую длинную ночь года я переступила границу между жизнью и смертью, чтобы спасти младшую сестру.Князь мертвых согласился вернуть ее душу, но потребовал взамен год моей жизни. Год, который я должна была провести в Нави в качестве его законной супруги.Я боялась мужчины, перед которым склонялись даже усопшие. Но за суровой внешностью Велемира скрывался человек, способный удивить меня своей нежностью, благородством и вниманием.Среди заснеженных теремов, древних рукописей и тайн загробного царства я обрела счастье там, где меньше всего надеялась его найти.Вот только нашему браку отведен один год. С наступлением следующей зимы князь вернет мне свободу, даже если к тому времени я стану ему дороже всего на свете.Но захочу ли я вернуться к живым, оставив свое сердце в царстве мертвых?

© Руданская О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Подо льдом 5
Глава 2. Чужой дом 12
Глава 3. Переплет из прошлого 19
Глава 4. Письма без адреса 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Олеся Руданская
Невеста для князя мертвых

Глава 1. Подо льдом

Когда Семен Клест вынес Ладу на берег, одна ее рука безвольно свисала. На запястье болталась красная варежка, которую я прошлой зимой привязала тесьмой к рукаву: сестра вечно теряла варежки, а покупать новые из хорошей шерсти мы себе позволить не могли.

Я сбежала с пригорка вслед за мальчишкой, который позвал меня из мастерской. Семен опустил Ладу на расстеленную овчину. У него самого обледенели борода и полы кафтана.

— Долго она там была?

— Не знаю, Радана. Поди спроси у реки.

За спиной Семена двое рыбаков возились с веревками. Никто из них не смотрел мне в глаза.

Я опустилась рядом с сестрой. Из-под намокшего платка выбилась прядь волос и примерзла к щеке. Я прикрыла ее ладонью, словно Лада могла почувствовать тепло моей руки. Утром мы поссорились из-за новой работы: ей предложили ходить к Аксинье, учиться разбирать травы и готовить настои, а я велела сперва закончить заказ на пять поминальных книг. Теперь мне хотелось услышать от нее хоть одно из тех сердитых слов, которыми она наградила меня за завтраком.

— Аксинью позвали? — спросила я.

— Моя жена побежала. Давай к нам, мы ближе живем.

Семен подхватил сестру, и я пошла следом. У берега осталась плетеная корзина с покупками. Через разошедшиеся прутья виднелись два припорошенных снегом яблока. Лада возвращалась с торга по льду, чтобы срезать дорогу. До моста пришлось бы идти еще четверть часа.

В доме Клестов пахло кислым тестом, сушеной рыбой и дымом. Семенова жена Марфа отослала детей к соседке. Аксинья пришла следом за нами. Не снимая полушубка, она опустилась у лавки, где лежала Лада, и принялась за работу. Я помогала ей, пока она не послала меня за сухой простыней.

Когда я вернулась, Аксинья прислушивалась к дыханию сестры. Марфа за занавеской тихо всхлипывала. У нее было четыре дочери, и Ладу она знала с рождения.

— Жива? — выговорила я.

— Подойди сюда.

Аксинья показала, куда положить руку. Под ладонью я различила слабое движение. Потом долго не чувствовала ничего, но грудь Лады снова чуть приподнялась.

— Она дышит. Только никак не возвращается.

— Что значит «не возвращается»?

Аксинья посмотрела на Марфу и попросила ее оставить нас вдвоем. Дождавшись, пока та уйдет, знахарка вынула из кожаного мешочка маленькое медное зеркальце. По краям металла тянулся узор из переплетенных ветвей, а на обороте кто-то когда-то вырезал имя. Буквы почти стерлись.

Знахарка накрыла зеркальце ладонью, что-то негромко произнесла и поднесла его к лицу Лады. Я ожидала увидеть на меди след дыхания, но вместо этого заметила отражение незнакомого места. Там, за потемневшей поверхностью, падал снег. Летели крупные хлопья, и за ними угадывался высокий деревянный столб с поперечной перекладиной. Возле столба кто-то стоял. Аксинья поспешно отвернула зеркальце, но я успела разглядеть знакомую косу.

— Это она?

— Она.

Я потянулась к зеркальцу. Знахарка убрала его в мешочек.

— Не трогай. Пока тело держится, есть надежда. Но Лада ушла слишком далеко, своим голосом ты ее уже не дозовешься.

— А твоим?

— Моим тоже.

Я села на низкую скамью. На печи сушились детские носки, под окном стояла миска с недочищенной репой. В этом обыкновенном жилом доме слова Аксиньи казались особенно дикими.

— Кто может ее вернуть?

— В другую ночь я бы ничего тебе не сказала. Сегодня Коловорот, самая долгая ночь в году. Помнишь старый пограничный столб у Черного ключа?

— Помню. Отец запрещал туда ходить.

— И правильно делал. Сегодня за ним открывается дорога в Навь. Если Ладу еще не приняли в царство умерших, князь может разрешить ей вернуться. Тебе придется просить его об этом самой.

Я встала, опрокинув скамью.

— Тогда веди меня туда.

— Погоди, — Аксинья поймала меня за локоть. — Не всякого можно вернуть, даже в такую ночь. Князь сперва должен убедиться, что ей есть куда возвращаться. А если согласится, даром не обойдется.

— Денег у меня немного. В доме есть серебро, инструменты отцовские. Можно продать мастерскую.

— Не знаю я, что он потребует. Слышала только от бабки, что за спасенную душу живой берет на себя службу. О чем бы ни договорились, слушай внимательно. Обещать от отчаяния легко, а исполнять будешь ты, не я.

Аксинья вновь склонилась над Ладой и достала из сумки красную нить. Пальцы у нее дрожали.

— Сколько у меня есть времени?

— Просить о возвращении души можно до рассвета. А вот сколько выдержит Лада, сказать не могу. Постараюсь удержать ее связь с телом. Тебе мешкать нельзя. Возьми хлеб для дорожной подати. У столба увидишь тропу, которой прежде не было. Держись ее до первого жилья и спрашивай княжеского хранителя.

Я попросила Аксинью не отходить от Лады, получила сердитое обещание и вышла в сени. Семен сидел на колоде, обхватив голову руками.

— Спасибо, — сказала я. — За то, что вытащил ее.

— Была бы еще минута, Радана, я б до нее не дотянулся.

До нашего дома было семь дворов. У соседей загорались огни, из-за заборов доносились голоса. На Коловорот в Белоборье полагалось ужинать всей семьей, а после ужина оставлять на столе хлеб для умерших. Отец всегда резал для матери отдельный ломоть, хотя не верил, что покойники способны есть наш хлеб.

В нашей горнице на столе стояли две глиняные миски и накрытый полотенцем пирог. Лада успела его испечь. Возле печи сушилась вышитая рубаха, которую сестра собиралась надеть вечером. Я открыла сундук с одеждой.

Поверх теплого платья я надела отцовский овчинный тулуп, сунула в карман кошель с серебром. В мастерской написала Аксинье записку: у купца Григория осталось забрать три гривны за работу, сбережения мы держали под нижней полкой. Перечитав написанное, я добавила, что ученицей к Аксинье Лада может идти, когда захочет, и никакие книги ей заканчивать не надо.

Последняя строчка вышла кривой.

Перед уходом я проглотила кусок пирога и завернула в чистое полотно ломоть хлеба для дорожной подати. Потом передала записку и ключи соседке, попросив ее отнести все Аксинье, и пошла к Черному ключу.

Черный ключ бил из-под корней старой ольхи в трех верстах от Белоборья. Даже в лютые зимы вода там не замерзала. Мать брала ее для поминальных обрядов, а мы с Ладой, пока были детьми, собирали возле ручья белые камешки, несмотря на отцовский запрет приближаться к пограничному столбу.

Над деревьями стоял месяц, и света от него хватало, чтобы не сбиться с дороги. Я шла быстро, пока не начала задыхаться от мороза. Пришлось сбавить шаг.

У ключа все выглядело почти так же, как при жизни отца. Сгнивший настил над ручьем давно убрали, ольха расщепилась надвое, однако столб, вырезанный из дубового ствола, по-прежнему стоял на небольшом возвышении. Кто-то повязал на нем выцветшие ленты. Я обошла столб и увидела за ним ровную белую дорогу. Она вела между двумя соснами, хотя я знала, что сразу за ними начинается заросший орешником овраг.

На снегу не было следов. Я замерла, пытаясь расслышать шум ключа, и вдруг обнаружила, что он доносится откуда-то сверху. От этого странного звука меня замутило, как бывало в лодке во время сильной качки. Я прислонилась к сосне, дождалась, пока земля перестанет уходить из-под ног, и ступила на дорогу.

На той стороне пахло снегом и горелой древесиной. Через несколько десятков шагов я вышла к длинному деревянному дому со сторожевой башенкой. Над дверью висел медный колокол, возле крыльца дремал лохматый пес. Он поднял голову, обнюхал мои сапоги и потрусил к двери.

— Чей человек? — окликнули меня из окна.

— Из Белоборья. Мне нужен княжеский хранитель.

— Так подымайся. Чего на морозе стоишь?

Внутри оказалось людно. На длинных лавках сидели люди с дорожными узлами, у печи грелся мальчик, а немолодой мужчина в добротном кафтане рассказывал соседу, как всю жизнь торговал лесом. Я удивилась, что у покойников имелись пожитки и они занимали себя разговором, словно ждали парома. Мальчик вертел в руках деревянную лошадку с отломанным колесиком. Ему было не больше восьми лет.

Я положила завернутый хлеб перед бородатым писарем и объяснила, зачем пришла. Он отложил ломоть к таким же сверткам.

— Давно сестру вынули из воды?

— Сегодня, перед самым закатом.

— Имя?

— Лада, дочь Прохора и Милены, из Белоборья.

Писарь раскрыл широкую книгу. По краям листов стояли отметки времени прибытия. Письмо было непривычным, но разборчивым, и я узнала имя сестры, прежде чем он поднял голову.

— Пришла сюда недавно. Погоди-ка, милая.

Он позвал юношу в сером кафтане, и тот поспешил выйти. Я принялась расспрашивать писаря, где Лада, но он повторил, что не вправе пускать меня в помещения для прибывших душ. Посланный им человек должен известить князя.

За окном ударил колокол. Вошла женщина с фонарем и назвала несколько имен. Отозвавшиеся забрали узлы и пошли за ней. Один мужчина забыл рукавицы. Его сосед поднял их, догнал уходивших и сунул ему в руки. Эта обыкновенная мелочь почему-то потрясла меня.

Писарь вышел из-за конторки, придвинул мне скамью и поставил кружку горячего отвара.

— Выпей. Живым здесь надобно беречься.

— А разве можно вашу пищу?

— Если бы от наших отваров люди помирали, князю пришлось бы закрыть все постоялые дворы возле границы. Обыкновенная мята.

Я выпила несколько глотков. Отогревшись, заметила, что одну варежку потеряла по дороге.

В боковую дверь вернулся юноша и передал, что меня ждут. Он провел меня через крытый переход, миновал двор с коновязью и постучал в дверь, обитую железными полосами.

В просторной комнате с изразцовой печью за длинным столом сидели трое мужчин и женщина в темно-синем платье. Мужчины спорили о состоянии моста, и тот, кто сидел во главе стола, держал в руках чертеж. Увидев меня, он отложил лист.

— Продолжим позже. Мирон, передайте плотникам, чтобы до моего распоряжения людей по мосту не пускали. Обходная дорога длиннее, но исправна.

Двое мужчин поклонились и вышли. Женщина осталась, придвинув к себе бумаги.

За креслом мужчины висел плащ с серебряной застежкой в виде речной птицы. Такую птицу я видела на изображении княжеской печати в старом отцовском сборнике преданий о Нави.

Князь поднялся. Он оказался высоким, широкоплечим, с темными, зачесанными назад волосами, серыми глазами и заметной складкой между бровями. На вид ему было лет тридцать семь. Никаких белесых глазниц или иных примет, которыми сказители наделяли повелителя мертвых, я не обнаружила. Когда князь взял со стола записку, на правой ладони я заметила длинный старый шрам.

— Радана из Белоборья?

— Да, князь.

— Мне сообщили о вашей сестре. Кто остался с ней в Яви?

— Знахарка Аксинья. Она сказала, что еще может удержать Ладу, но ненадолго. Ее вынули из реки, и она дышала, когда я уходила. Прошу вас, позвольте мне забрать ее домой.

Я сделала шаг к столу и спохватилась, что даже не поклонилась. Неловко присела, путаясь в полах тулупа. Князь чуть нахмурился.

— Сядьте. Мне нужны точные сведения, а не поклоны.

Я восприняла это как выговор. Сев, я повторила все, что знала о происшествии. Женщина записала мои ответы, а князь попросил принести пограничное зеркало.

Принесенное зеркало было гораздо больше Аксиньиного, с двумя медными ручками. Князь поставил его на подставку. Мое отражение помутнело, проступила горница Клестов. Лада лежала под двумя одеялами. Аксинья держала ее за руку, Марфа меняла воду в миске.

— Она чувствует меня? — спросила я.

— Нет. Это только отражение места, где сохранилась связь с душой. Мы не можем через него разговаривать с живыми.

Князь внимательно посмотрел на Ладу и обратился к женщине:

— Скажите дежурному, чтобы до окончания проверки девушку не вносили в главную книгу. Пусть остается при пограничном доме.

Женщина ушла, а он накрыл зеркало полотном.

— Что значит «в главную книгу»?

— Сейчас ваша сестра находится на границе. Ее еще не приняли в Навь. После внесения имени в главную книгу переход завершится, и вернуть ее будет нельзя.

— Тогда не вносите. Пожалуйста.

— До решения нашего дела ее имя останется в приходной записи. Если состояние тела не ухудшится, сегодня мы можем вернуть душу.

Я достала кошель. На стол посыпались серебряные монеты, две скатились на пол. Наклонившись за ними, я заговорила о мастерской, отцовских инструментах и доме, которые готова была отдать за спасение сестры.

— Уберите деньги, — сказал князь.

— У меня еще есть сбережения дома. Я не все взяла.

— Радана, я не торгую душами. Ваше серебро здесь ничего не решает.

Я решила, что дело безнадежно. Женщина вернулась с книгой в деревянном переплете, а следом вошел пожилой хранитель в сером кафтане.

— Меня зовут Велемир. Это ведающая договорами Настасья и хранитель границы Родион. Сейчас они будут свидетелями нашего разговора. Вы должны услышать условия, при которых закон разрешает вернуть вашу сестру, прежде чем ответите мне.

Я собрала рассыпанные монеты.

Настасья раскрыла книгу. Переплет у нее был старый, с потемневшими от времени углами. Я придвинула книгу к себе.

— Когда мы возвращаем душу в Явь, — начал князь, — в границе между нашими землями остается изъян. Чтобы закрыть его, требуется полный годовой круг и участие живого человека. У вашей сестры есть другие совершеннолетние родственники?

— Нет. Родители умерли. Мы с Ладой вдвоем.

— Значит, поручительство можете принять только вы.

— Я согласна.

— Вы еще не слышали условий.

— Но ведь нужно спешить!

— Дайте князю договорить, — вмешался Родион. — Вы должны знать, на что соглашаетесь.

Я прикусила губу и кивнула.

Велемир показал четыре знака на обложке книги: два изображения солнца и два — весов. В равноденствия и солнцестояния мне предстояло участвовать в пограничных обрядах, а между ними помогать хранителям, которым недоставало связи с Явью. Я спросила, придется ли приходить сюда четыре раза за год.

— Нет. Вы будете жить в Нави до следующего Коловорота. Все это время граница должна сохранять связь с вашим живым присутствием. Но для такой службы мало одного обещания. Вы будете здесь чужой, и через некоторое время царство начнет выталкивать вас обратно. Чтобы этого не произошло, я должен принять вас в свой дом и разделить с вами часть полномочий хранителя.

— Мне придется служить у вас во дворце?

— Вам придется стать княгиней, — пояснила Настасья.

Я посмотрела на Велемира.

— Моей супругой, — подтвердил Велемир. — Старый закон признает за живым поручителем необходимые права только после брачной клятвы с действующим князем.

Я взглянула на его правую руку и вспомнила страшную сказку о покойнике, который каждую ночь приходил за теплом живой жены, пока от нее не оставалась одна тень.

— Через год, когда поручительство будет исполнено, брак прекратится. Если вас не устраивает такое условие, вы вправе вернуться домой.

Мне было неловко спрашивать о том, что интересовало меня больше всего, особенно при свидетелях.

— Мне придется делить с вами постель? Что будет, если я откажусь?

— Нет. У вас будут собственные покои. Ни этот договор, ни княжеская власть не дают мне права требовать от вас близости. Настасья внесет это в текст особо, раз вы спрашиваете.

Настасья придвинула чернильницу.

— Есть и другие гарантии, — сказала она. — Князь отвечает за ваше содержание и безопасность. Если вашему здоровью будет угрожать серьезная опасность и мы не сумеем помочь здесь, предусмотрено досрочное возвращение в Явь. Вас не оставят умирать ради договора.

— А сестра? Если со мной что-нибудь случится, вы заберете ее обратно?

— Нет, — ответил Велемир. — Если Лада вернется сегодня, ее жизнь больше не будет зависеть от этого договора. Даже если нам придется прервать поручительство и закрыть поврежденный участок границы, мы не возьмем ее в счет неисполненной службы.

Я спросила, смогу ли получать вести из дома. Настасья объяснила, что раз в месяц через малое пограничное окно передают письма, а в день летнего солнцестояния мне позволят увидеть сестру у перехода. Уйти вместе с ней до окончания службы я не смогу. За этот год в Белоборье пройдет столько же времени, сколько здесь.

— А потом я смогу вернуться домой и больше сюда не приходить?

— Разумеется. Останется и право посещать Навь, если оно вам когда-нибудь понадобится. Исполнившие поручительство могут пользоваться переходами в дни солнцестояний. Это право не обязывает вас снова вступать в брак или служить нам.

Я знала цену году. За год в мастерской можно было выучить помощника, скопить денег на новую швейную раму, поправить крышу. Лада успела бы стать совсем другой девушкой. Возможно, вышла бы замуж. Мне придется обо всем этом узнавать из писем.

— Покажите мне сестру еще раз, — попросила я.

Велемир откинул полотно с зеркала. Аксинья теперь стояла у лавки на коленях. Я увидела ее лицо, осунувшееся и незнакомо старое, и поняла, сколько сил ей стоит обещание, данное мне в доме Клестов.

— Давайте ваш договор.

Мне дали прочитать написанное от начала до конца. Я попросила заменить неясное выражение «до исполнения службы» указанием точного срока, и Настасья внесла поправку, не возразив ни слова. Велемир подписался первым. У него был быстрый, угловатый почерк; перо цепляло бумагу там, где он выводил первую букву имени. Под его подписью я поставила свою.

Родион принес нить из беленого льна. Мы встали друг против друга и протянули руки над договором. Велемир снял перстень с княжеской печатью и произнес клятву главы княжеского дома, обещая защищать меня, сохранять мое право на собственное имя и вернуть в мир живых по окончании срока. Потом я повторила слова Настасьи, принимая службу хранительницы на один год.

Настасья спросила каждого из нас, принимает ли он клятву. Получив наши ответы, Родион свободно обвел нитью запястья. Странное головокружение, не покидавшее меня с тех пор, как я ступила на белую дорогу, наконец прошло. Настасья скрепила договор двумя печатями, свидетели поставили подписи, и Родион разрезал нить.

— Теперь пойдемте за Ладой.

В соседнем доме было несколько маленьких комнат с широкими окнами. В одной из них, на деревянной лавке, сидела сестра. Она была одета в свою обычную светлую рубаху, волосы лежали на плечах, и ничто в ее облике не напоминало о реке. Увидев меня, она вскочила.

— Радана! Где ты пропадала? Мне тут говорят, что домой нельзя, пока меня не позовут. Да еще этот старик назвал меня покойницей!

— Я сказал, что ты пришла к покойникам, — возразил Родион. — Разница большая.

Я обняла Ладу. Прохладная на ощупь, она все же была вполне осязаема. Сестра расспрашивала, почему я в отцовском тулупе и что стало с ее корзиной, а я прижимала ладонь к знакомой макушке.

— Ладушка, тебе нужно домой. Аксинья ждет тебя.

— А ты?

— Я еще побуду здесь. У меня дело к князю.

Сестра хотела спросить что-то еще, однако я пообещала написать ей и попросила не спорить. Она неохотно разжала руки.

Велемир провел нас к выходу из пограничного дома. Там, где прежде стояла глухая стена, хранители открыли узкую дверь. За ней я увидела горницу Клестов. Родион придержал меня за плечо: этот путь открывали только для Лады. Князь назвал Ладу по имени, произнес имена ее родителей и место, где ее ждало живое тело. Затем спросил, желает ли она вернуться.

— Конечно, желаю, — ответила сестра. — У меня там дом.

Она переступила порог. На мгновение ее фигура скрыла от меня лавку, затем дверь закрылась. Велемир попросил Родиона сделать отметку в приходной книге, а меня отвел обратно в комнату с зеркалом.

Я долго смотрела на Аксинью, склоненную над Ладой. Наконец знахарка подняла голову и позвала Марфу. Та подбежала, ухватилась за спинку лавки. Я увидела, как Лада медленно открыла глаза. Аксинья заговорила с ней, сестра слабо пошевелила губами, и Марфа прикрыла рот полотенцем.

Я села прямо на пол и разрыдалась. Мне было совершенно безразлично, что князь увидит меня такой. Целый вечер я боялась позволить себе даже одну лишнюю слезу, чтобы не пропустить важного слова, не ошибиться и не потратить понапрасну время. Теперь я могла плакать.

Через несколько минут Велемир принес кружку теплой воды и поставил ее рядом со мной на низкую скамью. Он ничего не говорил, пока я не вытерла лицо рукавом и не поднялась.

— Спасибо вам, — сказала я.

— Выпейте. Вы давно на ногах, и дорога до столицы еще впереди.

Настасья принесла мою копию договора. Я попросила бумагу и написала Ладе, что заключила соглашение с князем, что здорова и вернусь через год. О браке тоже написала, хотя не знала, как объяснить его в нескольких строках. Родион пообещал отправить письмо с хранителем, отправлявшимся в Явь еще до утра.

Когда мы вышли на крыльцо, возле дома ждали крытые сани. Возница поправлял полость, две гнедые лошади нетерпеливо перебирали копытами. Велемир помог мне забраться в сани и сел напротив. В санях лежала запасная пара меховых рукавиц. Князь молча подвинул их ко мне, заметив, что я прячу озябшую руку в рукав тулупа.

Мы тронулись. За пограничными домами начиналась широкая дорога. Между стволами деревьев стояли резные столбики с фонарями, и их свет ложился на снег золотистыми кругами.

— Далеко до ваших палат? — спросила я.

— Часа два. Если устанете, можете поспать. Когда приедем, я вас разбужу.

Я поблагодарила его, плотнее закуталась в тулуп и прислонилась к стенке саней. За пазухой у меня лежал договор, в кармане оставалось несколько серебряных монет, а напротив сидел человек, чьей женой я стала в эту ночь. Я еще не привыкла даже к его имени.

Где-то далеко, в Белоборье, Лада приходила в себя в доме Марфы и Семена. Теперь я могла позволить себе закрыть глаза.

Глава 2. Чужой дом

Разбудил меня стук железной задвижки. Сани остановились, и откуда-то снаружи донесся голос возницы, требовавшего убрать с дороги телегу. Я села, обнаружила на коленях тяжелую меховую полость и некоторое время силилась понять, почему не лежу дома, в собственной постели.

— Приехали, — сказал Велемир.

Он отдернул кожаный полог. Сани стояли под высокой проездной башней, в стенах которой чернели бойницы. Привратник в подбитой мехом шапке узнал князя и поспешил к воротам. Пока створки расходились, я успела увидеть площадь с торговыми рядами, колодец под резным навесом и женщину, которая волокла за собой деревянные саночки с двумя мешками. В окнах верхних этажей горели огни. Над городом висело незнакомое мне бледное небо, точно в очень ясную зимнюю ночь незадолго до восхода.

— Уже утро? — спросила я.

— В Белоборье, вероятно, светает.

— А здесь когда рассветет?

— Вы увидите, что свет становится немного ярче. Солнца у нас нет.

Я выглянула еще раз. За стеной, на возвышении, стояли княжеские палаты. Темные каменные основания держали несколько высоких теремов, связанных крытыми деревянными галереями. На крышах лежал снег, железные коньки над фронтонами напоминали птиц с длинными шеями. В дальнем углу двора под фонарем двое конюхов высыпали овес в кормушки.

Велемир вышел первым и подал мне руку. Я оперлась на нее, спустилась на утоптанный снег и едва не упала: ноги затекли после долгого сидения. Князь придержал меня за локоть, дождался, пока я обрету равновесие, и позвал кого-то с крыльца.

Навстречу нам спускалась пожилая женщина в длинной суконной душегрее. Поверх седых волос она повязала белый платок, концы которого были тщательно заправлены под воротник. В одной руке женщина несла связку ключей, другой придерживала юбку.

— Мирон прислал весть, что вы едете, — сообщила она князю. — Я велела истопить восточные покои. Кухарку пришлось разбудить, она собралась на нижний рынок, а теперь сидит и проклинает всех приезжих.

— Аграфена, это Радана. Мы заключили брачный договор у границы. На год.

Женщина посмотрела сперва на меня, потом на Велемира. Ключи перестали звенеть.

— Стало быть, княгиня у нас живая?

— Да. Об остальном поговорим позже.

Аграфена поклонилась мне. Я по привычке ответила тем же, отчего она озадаченно покосилась на князя. Велемир попрощался, предоставив меня ее заботам. В сенях управляющая спросила, нет ли у меня узелка с вещами.

— Все здесь, — ответила я, показав на тулуп.

Она отвела меня в восточные покои.

В отведенных мне покоях оказалось три комнаты. В первой стояли круглый стол, кресла и лавка вдоль изразцовой печи. В спальне под пологом помещалась кровать, на которой могли бы улечься все четыре Марфины дочери. В третьей комнате были медный умывальный таз, кувшин и дверца в нужник. На стенах висели тканые полотнища с красными птицами и ромбами.

— Вот ваши ключи, — сказала Аграфена. — Этот от наружной двери, поменьше от сундука. Если захотите запираться изнутри, имеется засов. У нас давно живых жильцов не было, могли чего-нибудь и не предусмотреть. Говорите, если что понадобится.

— А вы давно здесь живете?

— Тридцать один год в палатах, еще девять до того в городе. Почитай, половину своей первой жизни прослужила в купеческом доме, а уж померевши, решила, что хозяйство у меня будет побольше. Так и вышло.

Она произнесла это с довольством купца, перебравшегося из лавки на целый торговый двор. Мне понадобилось усилие, чтобы не отступить от нее.

Аграфена принесла рубаху, полотенце и теплую воду. После умывания я села за стол. Руки дрожали так сильно, что пришлось держать чашку обеими руками.

— У князя когда-нибудь были жены? — спросила я Аграфену, прежде чем она ушла.

— При мне не бывало.

— А до вас?

— Не знаю. Я в его прежнюю жизнь не лазила. При княжеском дворе женщин всегда хватало: служительницы, советницы, посланницы. Хозяйки дома не было. Теперь вот есть.

Я поглядела на двери спальни. Мне дали ключи и отдельные комнаты, но обещание князя пока оставалось для меня всего лишь словами. Теперь, когда Лада была спасена, я впервые за ночь подумала о себе.

— Князь сюда приходит? — наконец спросила я.

Аграфена собрала пустые тарелки.

— Зачем бы ему? У него свои покои на другом конце галереи. Понадобитесь — пошлет сказать.

Оставшись одна, я задвинула засов. Потом вынула из-под платья копию договора и перечитала ту часть, которую Настасья вписала по моей просьбе. Слова стояли на месте, чернила высохли, печати сохранились. Я убрала листы под подушку, хотя в сундуке им было бы безопаснее, забралась в постель и закрыла глаза.

Спала я плохо. Дважды мне чудилось, что Марфа кричит из сеней и Ладу снова нужно вытаскивать из воды. Когда я окончательно поднялась, за окном все еще было сумрачно, хотя, по словам Аграфены, шел третий час пополудни.

Вечером я спросила Велемира, нельзя ли еще раз взглянуть на сестру в пограничное зеркало. Мы ужинали в небольшой трапезной, и он, услышав мой вопрос, отодвинул в сторону блюдо с печеными грибами.

— Связь вашей сестры с пограничьем больше не существует. Наблюдать за живыми по собственному желанию я не умею.

— А если ей снова стало плохо?

— Родион проверил приходную запись еще при мне. Возвращение завершилось благополучно.

— Но что случилось потом, вы не знаете.

— Не знаю.

Я уставилась в тарелку. До первого письма оставался целый месяц. Князь расспросил меня о комнатах, а в конце ужина попросил на следующий день зайти к нему, чтобы обсудить службу. Я ушла к себе, не дожидаясь, пока подадут сладкое.

Утром Аграфена принесла два платья, из серого сукна и зеленой шерсти с вышивкой. Оба пришлось немного ушить. Я взялась за иглу сама и тут же уколола палец, вполне по-человечески.

— Ваши старые вещи куда прикажете убрать?

— Оставьте тулуп и платье в сундуке. И варежку тоже.

— Одну?

— Одну.

Она поправила на мне ворот и отвела в княжескую рабочую комнату.

Велемир сидел за столом, заваленным планами дорог и письмами. При мне он велел осмотреть опоры моста, прежде чем составлять смету, и отпустил мастера.

— Вы быстро освоились, — сказал он, заметив мое платье.

— Я просто умею шить. Где мне положено работать?

Князь освободил для меня место на столе и развернул лист, разделенный на четыре части. Вверху каждой стоял знак, знакомый по книге Настасьи: солнце или весы.

До весеннего равноденствия мне следовало познакомиться с правилами пограничной службы, научиться различать знаки на дорожных столбах, присутствовать при еженедельной проверке той части границы, которая осталась связана с возвращением Лады. В дни проверок требовалось ненадолго прикладывать ладонь к специальной плите в башне хранителей и свидетельствовать своей подписью, какие изменения произошли со времени предыдущего осмотра. Расчеты вели хранители.

— Если я прикладываю руку к плите, из меня что-нибудь забирают?

Велемир поднял голову.

— Что именно?

— Жизнь, например. Годы, здоровье. Вы сказали, что нужно мое живое присутствие.

— Нет. Плита откликается на присутствие живого человека, но не отнимает у него силу или годы. Сама служба не сокращает вам жизнь.

— Хорошо. А остальное время?

— У вас будут занятия с Настасьей. Необходимо знать, какие права вам предоставлены и как обращаться с княжеской печатью хранителя. Кроме того, я намерен показать вам работу совета. После первых занятий решим, какие еще обязанности вам по силам.

Князь открыл лежавшую на столе коробочку. В ней оказался серебряный знак в виде птицы с одним опущенным крылом.

— Печать хранительницы. С ней сможете войти в башню и некоторые помещения у границы. Если потеряете, сразу сообщите: ею может воспользоваться посторонний.

— Мне теперь полагается везде ходить с охраной?

— В пределах палат можете передвигаться свободно. В городе на первое время рекомендую проводника. Вы не знаете улиц, а некоторые дороги здесь устроены непривычно. За городом одной ходить не следует.

— До границы я ведь одна добралась.

— По открытой дороге в особую ночь. Спросите у Аксиньи, отправила бы она вас туда в другой день.

Возразить было нечего. Я убрала серебряный знак в карман и попросила позволения сходить в город, как только закончится первое занятие. Велемир позвал служителя, которому поручил проводить меня на рынок, и передал распоряжение Аграфене.

На следующий день я познакомилась с Чернотравьем. За княжескими воротами начиналась улица сапожников. В низких мастерских кроили кожу, чинили подошвы, спорили о цене выделки. Мальчик нес охапку деревянных колодок, за ним бежала собака. Извозчики ругались на торговку яблоками, поставившую корзины посреди дороги.

Моего проводника звали Еремей. При жизни он ходил с купеческими обозами, а теперь служил в палатах и любил водить приезжих по городу. Узнав, что я из Белоборья, он расспросил меня о старой дороге через три озера. Я ответила, что возле одного из них давно стоят солеварни. Еремей обрадовался этой новости гораздо сильнее, чем я ожидала.

На рынке я купила две груши, выросшие, по словам торговки, в теплых садах за нижним холмом. Еремей рассказал о подземных ключах и особом свете садов, а потом отвел меня от торговки, когда я едва не расплатилась белоборской гривной за плоды. Серебро из Яви принимали по весу; проще было воспользоваться кошельком, который выдала мне Аграфена.

На обратном пути мы остановились у дома с вывеской переплетчика. За окном виднелись прессы и стопки нарезанной кожи. Мне сразу захотелось войти, однако хозяин по дням про-

верки работал в княжеском архиве, и на двери висел замок. Я запомнила улицу и попросила в другой раз привести меня сюда.

Следующие несколько дней прошли в занятиях с Настасьей. Она оказалась терпеливой, хотя требовала точности в каждой мелочи. Мы разбирали правила поручительства, формы записей и порядок доклада об изменениях на границе. За первым занятием я провела почти четыре часа, после чего Настасья обнаружила, что не спросила, когда я в последний раз ела. Она сама никогда не устраивала перерывов на обед, если была увлечена делом, и о живом организме вспоминала с некоторым запозданием.

В башне хранителей меня встретил Родион. В большой комнате на нижнем этаже стояли четыре каменных столба с вырезанными на них знаками сторон света. Между столбами на невысоком основании лежала серая плита. В середине плиты виднелась тонкая светлая жилка, по краям тянулись такие же прожилки, только темнее. Родион указал на небольшой участок, обозначенный льняной меткой, и попросил положить туда руку.

Я ощутила слабое тепло под пальцами. Светлая жилка проступила отчетливее, и сидевший рядом писарь записал ее положение по нанесенным на камень делениям. Когда я убрала ладонь, камень снова потускнел.

— На этой неделе все спокойно, — заключил Родион. — После весеннего обряда жилка должна начать укорачиваться.

— И так до зимы?

— Если не будет осложнений. Вам главное сообщать, если во время проверки почувствуете неладное. Остальное наше дело.

Я подписала лист. Служба оказалась проще, чем я предполагала. Но до первой вести от Лады оставалось еще столько дней, что я невольно спрашивала Настасью о почте при каждой встрече.

На второй неделе я обнаружила, что собственным временем в палатах почти не распоряжалась. В дни, когда у меня не было занятий, Аграфена приводила портних, учила различать придворные знаки и знакомила с людьми, которым полагалось засвидетельствовать почтение новой княгине. Некоторые приезжали издалека. Приходилось принимать их в парадной комнате, выслушивать поздравления и объяснять, почему я не могу сообщить, когда состоится свадебный пир.

Однажды я договорилась с Еремеем, что мы пойдем к переплетчику. Хотела попросить обрезки кожи и попробовать сделать маленькую записную книжку для пограничной службы. В своей комнате я успела надеть плащ, когда Аграфена принесла длинное платье с серебряным шитьем.

— Переодевайтесь, княгиня. В нижней трапезной ждут старшие из ремесленных рядов. Князь назначил им встречу с вами.

— Сегодня? Почему я об этом не знаю?

— Мне вчера сказали. Думала, вам уже сообщили.

Я сняла плащ и посмотрела на платье. Чтобы надеть его, требовалось расшнуровать половину боковых застежек и позвать кого-нибудь на помощь. До закрытия мастерской оставалось меньше двух часов.

— Пусть приходят завтра.

— Они люди занятые, собирались всей артелью. И князю неудобно будет, коль мы теперь их от ворот повернем.

Мне ничего не оставалось, кроме как переодеться. Встреча затянулась: один из мастеров решил подробно рассказать о споре между кожевниками и красильщиками. Когда я наконец освободилась, Еремей сообщил, что переплетчик уже ушел в архив.

Я дождалась окончания заседания княжеского совета и отправилась к Велемиру. Он стоял у окна и читал поданный секретарем лист. Секретарь поклонился мне.

— Можно с вами поговорить? Наедине.

Велемир отпустил секретаря.

— Что случилось?

— Мне нужна копия моего распорядка. Хотелось бы узнать хотя бы накануне, в какое время я могу выходить из дома.

— Разве вы не можете выйти, когда свободны от занятий?

Я рассказала о встрече с ремесленниками.

— Это старый обычай. Я думал, вам будет приятно познакомиться с мастерами.

— Мне было бы приятно с ними познакомиться, если бы меня саму об этом спросили. Я собиралась в переплетную мастерскую. Уже второй раз не получается туда попасть.

— Еремей отведет вас завтра.

— Дело не в Еремее.

Князь нахмурился. Кажется, ему было непонятно, чего я добиваюсь, когда для решения моей просьбы достаточно одного распоряжения.

— Велемир, у меня есть обязанности по договору. Я исполняю их и впредь буду исполнять. Но когда вы назначаете мне встречи, пожалуйста, спрашивайте меня заранее. Я тоже строю планы, пусть даже вам они покажутся пустяками.

— Мне следовало предупредить вас, — сказал он после некоторого молчания. — Я решил, что вы будете рады обществу. Здесь у вас пока нет знакомых.

— А получилось, что я жду в своей комнате, пока кто-нибудь придет сообщить, куда мне сегодня надлежит явиться.

Он положил лист на подоконник.

— Хорошо. О времени обязательной службы будете знать на неделю вперед. Все остальные посещения Аграфена будет согласовывать с вами. Так подойдет?

— Да. И я сама решу, когда мне знакомиться с людьми.

— Договорились.

Я уже собралась уходить, но Велемир остановил меня.

— Вы сказали, что хотите к переплетчику. Вы занимаетесь этим ремеслом?

— С детства. После смерти отца мастерская осталась мне. Я переплетаю и чиню книги, иногда переписываю испорченные листы.

— Здесь об этом никто не знал. Вы могли бы рассказать раньше.

— Вы могли бы спросить.

Велемир посмотрел на меня с удивлением, потом негромко рассмеялся.

— Справедливо.

На следующий день Аграфена явилась с расписанием службы и спросила, в какие часы удобно принимать портниху. Отец тоже, бывало, назначал мне работу, рассчитывая, что я никуда не собираюсь. С ним я обычно ругалась дольше.

Через несколько дней Велемир пригласил меня на открытое разбирательство. Я согласилась. Мне хотелось увидеть, чем занимается князь мертвых в те часы, когда я изучаю ведомости и правила перехода.

Зал совета находился на втором этаже каменных палат. На лавках вдоль стен уже сидели просители. Князь сидел за длинным столом вместе с двумя советниками. Для меня поставили кресло сбоку, откуда были хорошо видны лица просителей.

Одно дело особенно мне запомнилось. Двое мужчин пришли из нижнего города из-за мастерской. Столяр Федот жил в Нави уже много лет, а второй, Гаврила, недавно умер и обнаружил, что дом его покойной жены занят незнакомым человеком. Дом она оставила столяру в пользование, сама же отправилась за Последний берег. Гаврила требовал, чтобы мастер немедленно освободил помещение, поскольку при жизни эта женщина была его супругой.

Федот принес старую запись об уговоре. Гаврила утверждал, что жена не имела права распоряжаться своим домом без него.

— Вы когда умерли? — спросил князь.

— Месяца два тому. А жена моя уже лет двадцать как померла.

— Значит, дом она приобрела здесь после своей смерти?

— Ну приобрела. Да ведь все равно жена мне.

Велемир просмотрел запись и передал одному из советников.

— Когда ваша жена пришла в Навь, она жила здесь на свои средства. Дом принадлежал ей. Уговор с Федотом заключен при свидетелях. На каком основании я должен его отменить?

Гаврила развел руками.

— Так я двадцать лет ее поминал, князь. Я думал, хоть здесь увижу. А ее и след простыл. Куда же мне теперь деваться?

В зале стало тише. Федот посмотрел на Гаврилу и перестал теребить шапку. Велемир попросил писаря проверить, когда жена Гаврилы ушла за Последний берег. Оказалось, переправилась она три года назад, перед уходом оставив запись в доме письменных свидетельств.

— Вы можете получить копию ее записи, если она позволила передать ее вам. Я дам распоряжение узнать. А насчет жилья обратитесь к городскому распорядителю. Мастерской Федота это дело не касается.

Гаврила постоял, опустив голову, и вышел. Федот задержался у стола, спросил, где искать распорядителя, и поспешил за ним.

Гаврила прожил среди живых двадцать лет в надежде на встречу, которой уже не могло быть. В Белоборье мы часто утешали друг друга обещанием однажды увидеться с умершими родственниками. Выяснялось, что и в царстве мертвых некоторые расставания были окончательными.

После разбирательства я спросила Велемира, мог ли Гаврила догнать жену за последней рекой.

— Не знаю. Мы не получаем оттуда вестей. Если он захочет переправиться, никто ему не помешает. Обещать встречу я не вправе.

— А зачем тогда вы сами остались здесь?

Князь застегнул папку с бумагами.

— Когда-то мне предложили работу. Она оказалась нужной.

В зал вошел писарь с новой стопкой документов, и мне пришлось оставить вопрос, хотя ответ меня не удовлетворил.

Первое письмо из Белоборья я получила через месяц после Коловорота. В башне хранителей еще разбирали свертки, когда Родион протянул мне сложенный вчетверо лист. Я узнала почерк Лады по кривоватой букве «д», которую сестра никак не могла научиться писать по отцовскому образцу.

«Радана, Аксинья говорит, что мне уже можно самой ходить на улицу, только к реке не велит. Марфа принесла корзину, ее у берега Семен нашел. Яблоки пропали, а мука уцелела. Дом в порядке. Деньги у Григория забрали, записку твою я прочла. Как это ты за князя замуж вышла? Напиши, пожалуйста, все ли у тебя хорошо. Мне Аксинья сказала, что ты на год там осталась. Я теперь живу дома, а вечерами хожу к ней. Книги доделаем, не беспокойся. Только ты не скрывай ничего от меня. Лада».

На обороте Аксинья приписала, что у Лады сохранился кашель, но силы возвращаются и причин для тревоги нет.

Я прочла письмо еще дважды, потом села за стол Родиона и попросила бумагу. До закрытия окна оставалось немного времени. Я описала свои комнаты, службу, город и князя. Написала, чтобы Лада не бралась за тяжелую работу до полного выздоровления, а с заказом на книги договорилась с купцом о новом сроке. Посоветовала не давать Григорию в долг и не доверять

ему счет, если придется покупать кожу. В конце нарисовала серебряную птицу с одним опущенным крылом.

Вечером я пришла в малую трапезную с письмом. Велемир уже сидел за столом. Увидев меня, он отложил раскрытую книгу.

— Получили вести?

— Лада ходит сама. Аксинья пишет, что ей лучше.

— Рад за вас.

Я села и показала ему письмо. Он расспросил о здоровье Лады и предложил узнать, не нужна ли ей помощь.

— Я уже написала, как ей вести хозяйство.

— Вот и хорошо. А о себе что-нибудь рассказали?

— Даже нарисовала печать.

— Надеюсь, вы не нарисовали образец для подделки княжеского знака.

Я рассмеялась. Он сказал это совершенно серьезным тоном, и только по уголкам его рта я поняла, что он шутит.

После ужина Велемир взял книгу и предложил мне пройти с ним. Мы миновали галерею, спустились на полэтажа по широкой лестнице и оказались перед двустворчатой дверью из темного дерева. На обеих створках резчик изобразил деревья; их ветви смыкались над ручками, а под корнями теснились маленькие буквы.

— Вы говорили, что хотели бы вернуться к своему ремеслу, — напомнил князь. — У нас есть мастерская при библиотеке. Если пожелаете работать там, обсудим это с ее хранителем.

Он отпер дверь.

Я вошла и остановилась. По обе стороны широкого прохода тянулись полки до самого потолка. Под внутренней галереей стояли столы с наклонными подставками для чтения, возле печи лежала стопка свернутых в трубку карт. Дальше угадывались еще комнаты, соединенные арками. Пахло кожей, сухим деревом и бумагой; этот запах я могла бы узнать с закрытыми глазами в любом царстве.

Велемир поставил свою книгу на стол.

— Пока можете приходить сюда, когда удобно. В дальних помещениях хранятся особенно ветхие рукописи. Прежде чем их брать, спросите хранителя.

Я подошла к ближайшей полке и провела пальцами по корешкам. Книги были разного возраста: одни стояли в деревянных крышках с медными застежками, другие в мягких кожаных переплетах, третьи давно нуждались в починке. Мне захотелось снять с полки сразу несколько и рассмотреть их при хорошем свете.

— Можно я останусь еще ненадолго?

— Конечно. У меня дела наверху. Служитель покажет вам обратную дорогу, если понадобится.

Князь ушел. Я выбрала небольшую книгу с потертой застежкой, отнесла ее к столу и раскрыла. На форзаце сохранился старый рисунок, сделанный чьей-то неуверенной рукой. Я придвинула лампу, устроилась поудобнее и принялась читать. Когда служитель пришел спросить, не нужно ли погасить свет, я обнаружила, что впервые за месяц забыла узнать, который час.

Глава 3. Переплет из прошлого

В библиотечной мастерской мне отвели стол у печи. На нем осталось круглое пятно от чернильницы, а в ящике лежали чужие инструменты, завернутые в кусок мягкой кожи. Я разложила их перед собой и с удовольствием обнаружила, что здешний переплетчик пользовался почти такими же ножами, какие когда-то изготовил по отцовскому заказу кузнец из Белоборья.

— Этими можно работать, — сказал хранитель библиотеки Варлаам, сухонький старик с необыкновенно густыми бровями. — Только на большой пресс без разрешения не кладите ничего. Там сейчас княжеские грамоты, их еще сушить и сушить.

Он принес мне фартук, показал, где хранились нити, клей и кожа, и выдал ключ от маленького шкафа. На вопрос, какую плату мне полагалось получать за работу, Варлаам посмотрел на меня с недоумением.

— С кого брать?

— С вас. Или с княжеского хозяйства. Кто у вас рассчитывается с мастерами?

— Аграфена, кто же еще. А вам разве князь денег не выдает?

— Выдает на расходы. Это другое дело.

Дома я могла позволить себе новую шаль, если выдался удачный месяц. Здесь у меня было гораздо больше, чем требовалось, но ничто из этого не зависело от моего труда.

Варлаам пообещал поговорить с Аграфеной. Я осмотрела ожидавшие починки книги, оставила одну под прессом и вышла в читальный зал.

Варлаам сидел за конторкой, разбирая какие-то листы. Я спросила, нет ли у него книг о северных землях Яви. Отец много лет собирал рассказы о путешествиях, а мне еще в детстве хотелось узнать, как люди жили там, где море покрывалось льдом и летом ночи почти не наступали.

— По левую руку, за лестницей. На нижних полках, — ответил хранитель, не отрываясь от счета. — Смотрите на корешки. Красные метки означают, что книгу надо получать у меня.

За лестницей оказался узкий зал с невысоким потолком. Я просмотрела несколько сборников и потянулась за толстой, нескладной книгой в светло-коричневой коже.

На нижнем краю корешка темнело вытертое пятно. Я поднесла книгу ближе к свету и разглядела маленькую косую черту между двумя наколотыми точками.

Отец так отмечал свои лучшие переплеты. Я еще девочкой пыталась повторить этот знак на обрезках кожи, но у меня то и дело получалась кривая черта, упиравшаяся в одну из точек.

Я раскрыла книгу. Под крышкой обнаружилась зеленоватая бумага с разводами, похожими на травинки. Отец использовал ее всего один раз, а обрезки достались мне на закладки. На первом листе стояло название: «Хождение за Студеное море». Ниже красными чернилами была выведена большая буква с рисунком рыбы. Я помнила светлый кружок у ее хвоста: когда-то по моей вине на рисунок попал воск.

Я нашла его и села прямо на деревянную скамейку возле полки.

Через три года после того, как отец переплел книгу, в Белоборье сгорел купеческий дом. Пламя перекинулось на склад, потом на жилые строения, и до утра люди таскали к пожарищу ведра. Хозяин спас семью и несколько сундуков с товаром, но из книг уцелела лишь расходная тетрадь, которую его сын взял накануне в дорогу. Отец очень жалел о «Хождении». До пожара он собирался попросить его на несколько вечеров и сделать выписки, но все откладывал. Впоследствии мы пытались найти такой же рассказ у торговцев рукописями. Других списков никто не видел.

Я сидела, удерживая тяжелую книгу на коленях, и разглядывала знакомый переплет. Кожа сохранила даже небольшую вмятину возле застежки: отец тогда уронил на крышку молоток и долго сердился. Я знала, каким пальцем он придерживал нитку, когда затягивал послед-

ние стежки, помнила его голос, движения и то, как он отсылал меня спать, когда я засиживалась возле рабочего стола.

Эта книга исчезла из нашей жизни задолго до его смерти. Мне казалось, будто кто-то отодвинул в сторону несколько прожитых лет и позволил заглянуть в обыкновенный вечер, когда отец был еще жив.

— Вы нашли что-нибудь интересное?

Я подняла голову. Варлаам стоял в проходе с лампой. Видимо, я просидела здесь довольно долго.

— Кто принес вам эту книгу?

Он поставил лампу на полку, взял у меня том и посмотрел на название.

— Сейчас проверим. Пойдемте к конторке, там светлее.

В каталоге Варлаам отыскал запись довольно быстро. Я заглянула ему через плечо и увидела название, число листов и год поступления. Год совпадал с тем, когда сгорел купеческий дом.

— Кто ее принес? — повторила я.

— Из Яви она пришла. В ту часть собрания, которую мы называем забытыми книгами. Видите значок сбоку? Такие на обычных поступлениях не ставят.

— Но она сгорела. Я видела, что осталось от дома.

— Вот потому и появилась у нас.

Варлаам объяснил, что в княжеских палатах хранились книги разного происхождения. Одни были написаны в Нави, другие когда-то доставили из мира живых с разрешения хранителей. Но существовало и особое собрание: если в Яви погибал последний экземпляр произведения, рано или поздно здесь находили его на одной из полок или в приемном шкафу за внутренней галереей. Появлялся сам утраченный том, со всеми исправлениями и особенностями его последнего переплета, таким, каким он был до гибели. При этом никто не мог предугадать, какая книга поступит и в какой день.

— А если я возьмусь переписать ее целиком? Смогу я потом отнести список домой?

— Когда получите право выходить в Явь, почему бы и нет? О разрешении на вывоз самого тома придется спрашивать князя. А переписывайте сколько душе угодно. Только знайте, что в забытом собрании каждый новый список здесь, в Нави, уже будет обыкновенной книгой. За его сохранность отвечаете сами.

Я погладила крышку. Мне хотелось прочитать все «Хождение» за один вечер и заодно проверить каждую отцовскую отметку. Но застежка держалась плохо, верхняя тетрадь немного выдвинулась из корешка, а при раскрытии слышался неприятный сухой хруст.

— Позвольте мне сперва ее починить, — попросила я. — Если нитка цела, не придется менять переплет. Может быть, даже застежку удастся сохранить.

Варлаам записал выдачу. По моей просьбе он приписал к записи имя переплетчика — Прохор из Белоборья. Отцу было бы приятно, что его работа пережила пожар.

В тот вечер я ушла из библиотеки позднее обычного. Книгу оставила под замком в мастерской. Аграфена встретила меня в восточных покоях, где успела выложить на стол образцы тканей для новых занавесей, и сообщила, что кухарка третий раз подогревает мой ужин.

— Я увлеклась работой, простите. Надо было предупредить.

— Надо было поесть, — поправила она. — Ваши книги не простынут. Садитесь, пока горячее.

Варлаам уже успел обсудить с Аграфеной оплату. Я поторговалась за починку самой ветхой бумаги и с удовольствием обнаружила, что теперь могу зарабатывать собственные деньги, как дома.

На следующий день в мастерской я осторожно подняла отставшую часть корешка «Хождения» и обнаружила, что шитье осталось крепким. Застежку можно было поправить, а для верхней тетради требовалось лишь восстановить крепление. Я приготовила все необходимое, когда в дверях появился Велемир.

— Варлаам сообщил, что у нас обнаружился переплет из Белоборья, — сказал он. — Могу посмотреть?

Я подвинула лампу и показала ему книгу. Князь выслушал рассказ об отце, особенно заинтересовался тем, что рукопись принадлежала купцу, у которого не было привычки читать самому.

— Зачем он заказал такой дорогой переплет?

— Его старший сын любил морские путешествия. Думаю, книга предназначалась ему. У нас некоторые купцы заказывают красивые вещи, чтобы те служили еще детям и внукам.

— Разумно. Хотя судя по цене хорошей бумаги, надежнее передавать внукам сами деньги.

— Внуки деньги потратят, а книгу могут сохранить. Отец всегда говорил, что богатые люди любят оставлять после себя доказательства богатства. Тут многое зависит от того, что именно они выберут.

Велемир попросил показать шитье. Я раскрыла тетрадь и объяснила, как отец собирал листы, чтобы они не рассыпались после сотен прочтений.

— И все это вы делали одна?

— Лада складывала бумагу, иногда помогала шить. Ей больше нравились травы, а мне хотелось, чтобы она освоила ремесло, которое сможет ее прокормить.

— Разве травница не может себя прокормить?

— Хорошая может. Но до того, как стать хорошей, надо несколько лет учиться. И далеко не всякий больной платит за лечение. А книги заказывают люди, у которых есть деньги.

Он не стал спорить. Вместо этого спросил, скоро ли можно будет читать «Хождение». Я пообещала закончить его дня через два, если не обнаружится еще какое-нибудь повреждение.

— Тогда, если вам не трудно, покажите мне рассказ о плавании. Несколько лет назад я читал другое описание той же дороги, но оно обрывалось на самом интересном месте.

— Вы знаете, о чем эта книга?

— Только то, что сказал Варлаам. А он рассказал достаточно, чтобы мне захотелось ее открыть.

У двери князь остановился и, оглянувшись, добавил, что я вправе первой прочитать книгу после починки. Он подождет, сколько потребуется. Мне было приятно услышать это от хозяина библиотеки. Даже в Белоборье купцы часто заглядывали в мастерскую в самый неподходящий момент, вынимали из-под пресса собственные книги и удивлялись, когда я просила не мешать работе.

Два дня спустя я принесла починенное «Хождение» в читальный зал. Его автор, судя по всему, был человеком наблюдательным и расчетливым. Я с удовольствием читала о северных селениях, морских зверях и странном солнце, которое в тех краях не скрывалось за горизонтом даже ночью.

Велемир пришел, когда я добралась до второй трети рукописи. У него под мышкой была узкая кожаная папка, а на рукаве остался белый след от снега.

— Еще не закончили? — спросил он.

— Тут один человек умудрился потерять лодку, двух гребцов и половину товара, но добрался до берега и первым делом принялся выяснять, почем там соль.

— Торговец?

— Похоже на то. Хотя сам себя именует странником.

Князь придвинул стул и стал читать вместе со мной. Мы довольно скоро заспорили о том, правдоподобно ли описание северного моря. В рукописи утверждалось, что в середине лета путникам приходилось завешивать окна, чтобы спать, и что птицы там не замолкали даже в ночные часы. Я склонна была доверять автору, а Велемир полагал, что тот преувеличил продолжительность светлого времени суток.

— Вы там бывали? — спросила я.

— Нет. До моря однажды добрался, но гораздо южнее.

— Тогда у нас с вами одинаковые основания судить о его рассказе.

— Боюсь, что так. Придется искать другие свидетельства.

Он принес с полок два других описания северных земель. В одном нашлось свидетельство о долгом полярном дне.

— Ну что ж, странник ваш, вероятно, не приврал. Придется мне возместить ущерб его доброму имени.

— Как собираетесь возмещать?

— Перестану называть его рассказ сомнительным. Большего он от меня вряд ли потребует.

Мы оставили закладки и договорились продолжить чтение в другой вечер. Князь показал мне старые карты Нави и, уходя, попросил предупредить Аграфену, если задержусь за работой: управляющая успела пожаловаться ему, что постоянно греет мой ужин.

С тех пор Велемир стал приходить в библиотеку чаще. Порой мы читали вместе, а порой занимались каждый своим делом за одним столом. Он приносил папки с грамотами и письмами, а я делала выписки из «Хождения». Когда князю требовалось уйти, он не ждал, что я последую за ним, и я могла работать столько, сколько хотела. Мне нравилось такое общество. Не приходилось поддерживать беседу, когда была занята, или придумывать причину, чтобы остаться одной.

Однажды вечером Велемир спросил, где я научилась читать старое письмо. Я рассказала, что отец восстанавливал старинные книги и порой приходилось разбирать почерк писца, прежде чем приступать к работе.

— Хорошо, когда рядом есть человек, который умеет приводить в порядок чужие бумаги, — заметил Велемир. — У меня на верхнем этаже лежит целый сундук писем от прежних городских распорядителей. Все считают нужным хранить их, но никто не знает, что именно в них написано.

— Отдайте мне. Только я не обещаю привести в порядок весь сундук за неделю.

— Мне и за месяц никто этого не обещал.

Он отодвинул свою папку и попросил рассказать, как выглядело Белоборье. Я назвала несколько улиц, объяснила, где находился торг и почему наша мастерская стояла в стороне от главной площади. Я давно мечтала увидеть книжные собрания в княжеской столице нашей земли. Отец собирался взять меня с собой, но заболел. После его смерти я уже никуда не уезжала надолго.

— И много у вас было свободного времени? — спросил Велемир.

Я пожала плечами. По праздникам можно было отдохнуть, если заранее закончить работу, а летом я иногда закрывала мастерскую после обеда и ходила с Ладой за ягодами.

— Зато я хорошо знала, что у меня будет завтра, — сказала я. — Если работа не ладилась, можно было встать раньше. Если не хватало денег, взять дополнительный заказ. Я никогда прежде не жила в месте, где не нужно было зарабатывать на дрова и хлеб.

— Неудивительно, что вы так быстро договорились с Аграфеной об оплате. Она показала мне счет и сказала, что вы запросили больше, чем она рассчитывала.

— В мастерской платят не только за материал, но и за умение с ним обращаться.

— Согласен. Наконец-то у Аграфены появился достойный противник.

Я уже открыла рот, чтобы ответить, но засмеялась. Велемир вернулся к своему письму, а я к выпискам. За окном падал мелкий снег, и в комнате было так тепло, что я сняла шерстяную шаль. Лишь когда Варлаам пришел за очередной книгой, я вспомнила, что утром мне предстояло идти в башню хранителей.

После очередного измерения границы Родион попросил меня отнести Настасье запись о состоянии плиты. Утро было свободным, и я согласилась. За время службы я научилась разбирать большинство сокращений в этих записях и уже не путалась в проходах нижнего этажа. Настасья работала в небольшой палате по соседству с приемной хранителей. Здесь принимали заявления от жителей Чернотравья, выдавали разрешения на поездки и записывали просьбы тех, кто хотел получить сведения о недавно прибывших родственниках.

В приемной сидели трое посетителей. Настасья беседовала с мужчиной, принесшим несколько исписанных листков. Я положила запись на свободный край ее стола и собралась уходить, но сидевшая у двери женщина обратилась ко мне с просьбой:

— Милая, прочтешь, что тут написано? Я без очков ничего не разберу, а очки, кажется, дома оставила.

Она была лет пятидесяти, полная, с рыжеватыми волосами, собранными под клетчатым платком. На коленях держала большую сумку. Я села рядом и взяла у нее листок.

Это оказалась обычная справка о месте временного проживания. Женщине отвели комнату на улице кожевников, возле общественной печи. Под сведениями о жилье стоял номер приходной записи. Имя не было указано: там, где оно полагалось, писарь вывел слова «личность не установлена».

Я прочла ей адрес и объяснила, как добраться от княжеских палат до улицы кожевников. Женщина поблагодарила, аккуратно сложила бумагу и убрала в сумку.

— А как вас зовут? — спросила я.

— Ульяна, — ответила она и помолчала. — Или Устинья? Нет, Ульяна. Устиньей сестру звали. Мы с ней еще похожи были, мать нас порой путала.

Я спросила, давно ли она прибыла в Чернотравье.

— Да я тут не первый день. Жила сперва у хозяйки, она хорошая женщина, только тесно у нее. На кожевнях по крайней мере спокойно. Мне еще сказали, что тут можно отыскать человека, если он прежде меня умер. Вот только имя у него никак не вспомню. У сына моего, представляешь? У собственного сына!

Последние слова она произнесла с досадой, как будто рассказывала о вещи, которую уронила и никак не могла поднять. Я не сразу нашла, что ответить. Мы с Ладой не один раз говорили о родителях, вспоминали отца, когда собирали заказанные книги, и мать, когда разбирали ее сундук. Я попыталась представить, что однажды открою этот сундук и не сумею назвать женщину, которой принадлежали лежавшие там вещи.

— А лицо его помните?

— Конечно! Нос отцовский, уши маленькие. В детстве волосы светлые были, потом потемнели. Мальчишкой все под печь залезал, когда я его купать собиралась. Срамота, сколько раз я его оттуда вытаскивала.

Ульяна засмеялась и принялась рассказывать, как сын однажды разбил кувшин, пытаясь напоить дворовую кошку молоком. Она помнила цвет кувшина, имя кошки, даже то, что в тот день пришла соседка за солью. Но когда я спросила, как она звала мальчика из-под печи, женщина надолго замолчала.

— Вот и вчера так было, — наконец сказала она. — Верчусь вокруг этого слова, а взять его не могу. Думала, высплюсь — и пройдет.

Настасья позвала следующего посетителя. Я попросила ее уделить нам несколько минут после приема. Пока она разговаривала с мужчиной, достала из своей папки чистый лист и предложила Ульяне записать все, что та помнила о сыне, и имена родственников. Женщина

охотно согласилась. Ей, кажется, понравилось, что кто-то слушает ее рассказы и не торопится исправлять. Из сумки она вынула свернутый вчетверо кусок вышивки и показала мне узор, который когда-то вышивала на рубахах.

— Это я уже здесь сделала. Руки-то все помнят. Хозяйка говорит, могу на торгу продавать, только надо найти кому. А прежде я возле реки жила. Там еще березы такие, над самой водой. Крыша у нас была покосившаяся, муж все обещал поправить. Вот погоди, как его звали...

Она посмотрела на меня с такой растерянностью, что я перестала писать и подвинула к ней лист.

— Не торопитесь. Давайте начнем с того, в каком поселении вы жили.

Название поселения она вспомнить не смогла, хотя довольно подробно описала и дорогу к нему, и мельницу, стоявшую за околицей. Я записала все, что услышала. Когда мы закончили, на бумаге оказалась целая страница мелкого письма, а вверху стояло имя Ульяна, пока еще единственное, в котором женщина была более или менее уверена.

Настасья отпустила последнего посетителя и попросила нас подойти. Она прочитала справку о жилье, сверила номер приходной записи и достала тонкую папку.

— Вы прежде обращались к хранителям насчет имени? — спросила она Ульяну.

— Я говорила одному человеку. Он сказал, что найдет меня в книге. А потом за жильем послал.

— Где это было?

— У реки, в большом доме. Там еще окошко низко-низко, я нагибалась, чтобы с ним говорить.

Настасья нашла нужный лист и объяснила, что по документам Ульяна прибыла в Навь, не сумев назвать себя. Из-за этого полная запись о ней не была подтверждена. Для людей в таком положении существовал отдельный порядок: хранители собирали свидетельства, пытались установить личность и только после этого вносили имя в главную книгу.

— Но теперь она может назвать себя, — возразила я. — Разве это не помогает?

— Помогает, если имя удастся подтвердить. Одного слова недостаточно. В Нави десятки Ульян.

Женщина внезапно распрямилась.

— Я назвала! В том доме я назвала свое имя. Еще попросила записать, что сын в войско ушел. Человек за окошком мне бумагу дал и сказал ждать. Я же читала ее тогда, сама читала, там было написано «Ульяна»!

Она полезла в сумку, перебрала лежавшие на дне тряпицы, клубок ниток и деревянную ложку, но нужной бумаги не нашла. Настасья не стала спорить с ней. Она переписала номер справки и пообещала запросить прежние сведения у приходных писарей. Я отдала ей свои записи и спросила, могу ли получить копию сопроводительного листа для сверки с рассказом женщины.

Настасья разрешила мне изучить документ на месте. Подлинные книги и закрытые реестры по-прежнему оставались для меня недоступными.

Пока Ульяна перебирала нитки, я попросила ее принести образцы вышивки. Может быть, Аграфене понадобятся полотенца. Записав адрес, я вернулась к столу.

Сопроводительный лист был сшит из двух половинок тонкой нитью. На первой стояли номер приходной записи и сведения о личности, на второй — сведения о выданном жилье. Я начала переписывать строки, как вдруг заметила, что возле нижнего края первой половинки виднелся небольшой надрыв, а под ним — следы старого шва. В мастерской я постоянно видела подобные повреждения: если лист вырывали из тетради и позднее возвращали на прежнее место, отверстия от иглы почти никогда не совпадали.

Я осторожно развернула документ. На сгибе сохранились четыре старых прокола и три новых. Сами по себе они еще ничего не означали; бумагу могли чинить. Однако над строкой, где полагалось указывать имя, поверхность листа была шероховатой. Я поднесла его к лампе и посмотрела сбоку. Кто-то когда-то соскабливал чернила с этого места. Под более поздней записью сохранилась крохотная черная точка, не принадлежавшая ни одной из букв слов «личность не установлена».

— Настасья, посмотрите, пожалуйста.

Она подошла, наклонилась к столу и долго разглядывала указанную строку.

— Писарь мог ошибиться, — сказала она. — Бывает, что записывают не туда или путают имена. Нужно видеть первую запись, прежде чем делать выводы.

— Конечно. Только здесь исправили не одну букву. Под этой строкой было написано что-то другое.

Настасья забрала лист, отметила его номер и положила в отдельную папку. Она собиралась запросить не только приходную запись, но и сведения о том, когда исправляли сопроводительный документ. Я попросила сообщить мне, что удастся выяснить, поскольку обещала Ульяне помочь с ее именем.

В библиотеке меня ждало «Хождение». Я вспомнила отцовские руки, зеленую бумагу и восторг, с которым обнаружила книгу. Для меня исчезнувшие страницы были прежде всего утратой ремесленника. Для Ульяны исчезало что-то гораздо дороже. Я отложила «Хождение»: теперь мне хотелось узнать, почему понадобилось уничтожать прежние слова в ее документе.

Глава 4. Письма без адреса

Аграфена выдала мне полотно, белые нитки и мерку.

— На восемь полотенец. Два пробных. Если мастерица справится, в будущем месяце закажу еще. Только предупредите: кони у нас с четырьмя ногами, птицы с двумя. А то потом разбирай, что за звери на вышивке.

Я отправилась искать Ульяну. После встречи в приемной прошло четыре дня. Женщина жила в доме временного поселения, где внизу пахло щами и мокрыми дровами. Она обрадовалась заказу, но забыла, зачем прежде приходила ко мне.

— На добрую работу не жалко и двух недель, — сказала она. — А мерка широкая, можно посередке ромбы пустить. Была у нас одна женщина в деревне, она меня такому шитью выучила. Звали ее... Погодите, у нее еще гуси были злые, меня однажды до самых ворот гнали.

Она засмеялась, но имени так и не назвала. Потом достала из сумки деревянную ложку, которую я уже видела в приемной, и показала мне вырезанный на ручке крохотный цветок.

— Вот это мой мальчик сделал. Кривенький, а я с тех пор другую ложку и брать не хотела. Смешно, правда? Сама посуду покупала, могла любую выбрать.

Я спросила, не могло ли на ложке оказаться его имени. Ульяна покачала головой. Мальчик тогда только учился владеть ножом, а грамоту освоил позднее. Пока мы говорили, она несколько раз возвращалась к одним и тем же подробностям, не замечая этого. Я старалась не поправлять ее без нужды. Расстались мы, договорившись, что готовый образец она отдаст смотрительнице дома, а та пошлет за мной.

В башне меня встретила Настасья. Она стояла возле высокой конторки и спорила с писарем о доставленной из пограничного дома выписке. Писарь держал лист за самый угол, словно тот был чем-то испачкан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.